

После слов «в общем-то, ничего» Чан Сяоцю буквально засиял. Он прижал к груди меч, словно хотел переживать эти слова снова и снова. Обида от покушения мачехи, гнёт из-за больной ноги — всё это, казалось, в один миг растворилось. В груди закипел горячий поток, докатился до глаз — и юноша вдруг разрыдался, всхлипывая.

Чан Сяохань, поблагодарив, откатил коляску, а Лю Сюаньань повернул обратно. Лян Шу ждал его под большим деревом, сплошь увешанным красными лентами.

— Зачем солгал?

— Я и не лгал.

Лю Сюаньань шёл по шуршащим осенним листьям:

— Чан Сяоцю в последнее время из-за семейных невзгод совсем приуныл. Князь для него — герой, что небо подпирает. Одно доброе слово, быть может, дороже десятка целебных отваров.

Осмелиться самовольно воспользоваться именем князя Сяо — такое, кроме деревенских баб, что пугают им по ночам плачущих детей, мог позволить себе разве что второй господин Лю. Даже Гао Линь, когда хотел припугнуть врагов авторитетом главнокомандующего, сначала спрашивал разрешения. Но Лю Сюаньань не видел в своём поступке ничего дерзкого. Он словно взял князя Сяо за одно из снадобий под рукой — нужно было, вот и применил.

Лян Шу больше не стал придирааться, хотя хвалил он редко, а уж таких изнеженных барчуков, как Чан Сяоцю, и подавно. Даже «в общем-то, ничего» было для того, кто по армейским меркам ещё и на ноги-то толком не встал, — большой щедростью.

Вскоре они дошли до южной части города.

Юг был куда менее оживлённым, чем восточная сторона. Огни светились редко, лишь большой старый колодец виднелся в темноте. Но Лян Шу пришёл сюда не ради видов. Простая прогулка помогала расслабить напряжённые нервы. Лю Сюаньань ступил на пустырь и сказал:

— Я всегда думал, что здесь должна стоять девятиярусная белая пагода.

— Чтобы поближе к иному миру?

— Нет. Чтобы видеть цветущие поля вдаль среди гор.

Что до иного мира, то после того, как его насильно «запечатали» две недели назад, он из бурлящего моря превратился в стоячую воду. Лю Сюаньань не решался погружаться в него слишком глубоко, чтобы снова не поднялась буря, что всколыхнёт мозг и причинит нестерпимую боль.

— Тебе и впрямь стоит больше оставаться в мире здешнем, — сказал Лян Шу. — Заводи друзей, смотри на цветущие поля своими глазами, а не издалека, с высоты.

Лю Сюаньань огорчился:

— Но у меня нет друзей.

Будь эти слова сказаны кем другим, любой бы воскликнул: «Как же жалко!» Но Лю Сюаньань не считал себя жалким. Он просто констатировал факт. И Лян Шу тоже не увидел здесь трагедии. Однако Лю Сюаньань тут же добавил:

— Жаль только, что теперь, когда князь здесь, цветы уже отцвели.

Лян Шу усмехнулся:

— Друзья?

Лю Сюаньань ответил «угу» без тени смущения. Хотя близких друзей у него никогда и не было, но раз они вместе пили, вместе гуляли, вместе беседовали — разве можно считать их по-прежнему чужими? Между ними возникла некая связь, а коль есть связь — значит, они друзья, верно?

Лян Шу ухватил его за загривок:

— А я, кажется, не давал согласия.

Лю Сюаньань съёжился:

— Тогда и продолжай не соглашаться. — Всё равно я уже решил за себя.

Похоже, это был ещё один уникальный талант второго господина Лю. Ведь среди трёх тысяч путей Дао он всегда поступал так: приглянется кто — он и выделит ему обитель, не спрашивая предварительно мнения древних мудрецов.

И чувствовал себя при этом совершенно правым.

Лян Шу рассмеялся, подивившись, сколь занятен Лю Сюаньань. В нём смешалось столько особенностей, что он не походил ни на кого из остальных шести миллионов девятистот восьмидесяти семи тысяч трёхсот пятидесяти подданных Великой Янь. Своеобычная отрешённость, своеобычная глупость, своеобычная чистота, своеобычная мудрость — и лицо, равного которому не сыскать. Даже когда он лениво присел под старым, словно призрачным, красным фонарём, свет падал на него так, что глаза сияли, — точно бессмертный, сошедший на землю.

Цветущие поля вдали среди гор и впрямь отцвели, и это было досадно, ибо красавец должен стоять среди цветов, что пышным ковром стелются.

В этом отношении князь Сяо неожиданно проявил утончённость, приличествующую особе царской крови и отпрыску знатного рода.

В южной части города не было достопримечательностей, но Лян Шу терпеливо слушал, как Лю Сюаньань рассказывает о девятирусной белой пагоде из своих снов, пока весь город не погрузился в сон. Затем они вместе вернулись. Гостевая комната в водном павильоне была крошечной, кровать — неширокой, но постель — мягкой и удобной, а благовония — лёгкими. Снаружи осенний ветер шелестел в бамбуке, словно наигрывая тихую колыбельную, убаюкивая нервы полководца, закалённые в тысячах сражений.

Кровавый туман, что вздымался во сне, рассеялся, превратившись в чистый снег. А потом лёд растаял, и наступила весна. Лян Шу шёл по островку, утопающему в цветах, через тропинки, через чащу — и вдруг услышал журчание, словно водный перезвон. Он пошёл на звук и увидел юношу в белых одеждах, сидящего у ручья. Босые ноги его были погружены в воду, а на коленях лежал древний цинь.

...

Лян Шу проснулся от сухости во рту. Он уставился в резной узор на балдахине, сердце колотилось часто-часто. Прошло много времени, прежде чем он вернулся в мир явный. Лица того человека из сна он не помнил, но отчётливо видел родинку размером с кунжутное зёрнышко на его кадыке — та вздымалась и опадала в такт дыханию, соблазнительно-алая, отчего кожа казалась ещё белее, словно снег. Помнил он и те руки — хрупкие, точно стекло, и прохладные на ощупь, — что он грубо сжал в своих ладонях. Когда он склонился, губы юноши задрожали, словно касались льда.

Нелепость этого сна можно было сравнить разве что с вождём племени пустынных волков, пляшущим в женском платье перед вражеским строем. Этим лишённым всякой поэзии и пугающим сравнением Лян Шу разом оборвал дремотную и сладостную дымку, что витала под пологом. Он встал, умылся холодной водой и вышел из комнаты.

Был только пятый час утра. Поднялись лишь слуги да ученики с утренними занятиями. В водном павильоне не было собственной кухни, да и временную прислугу, нанятую накануне, Лю Сюаньань отослал прочь, поэтому кругом царил тишина. По странному совпадению, на низком столике под бамбуком и впрямь лежал цинь. Лян Шу, будто обжёгшись, отвел взгляд и хотел уже выйти, но дверь позади скрипнула.

— Князь.

Лян Шу замер, потом обернулся.

Лю Сюаньань вскочил впопыхах, на нём была лишь ночная рубаха, поверх накинут тонкий халат. Чёрные волосы небрежно стянуты лентой на затылке, уголки глаз ещё розовели от сна. Он зевнул:

— Я услышал шум снаружи.

Лян Шу перевёл взгляд с его белой, на груди распахнутой одежды:

— Не спится, вышел прогуляться.

— Тогда обождите немного, — сказал Лю Сюаньань. — Я переоденусь.

Он был так сонен, что едва разлеплял глаза. Возвращаясь в комнату, он пошатнулся и чуть не стукнулся головой о косяк. Раскрыл гардероб, нащупал какую-то одежду и уже собирался натянуть её как попало, как кто-то схватил его за запястье.

— Ещё рано, поспи, — сказал Лян Шу. — Я просто в саду посижу.

Лю Сюаньань так и вернулся в постель. Он и вправду не выспался, и непонятно, какой дух надоумил его расслышать тихий скрип соседней двери и в полусне выскочить наружу.

Лян Шу не ушёл сразу. Он огляделся. Жилище, как и его хозяин, было простым до аскетизма. Старый шкаф, старые стол и стулья, кровать тоже видала виды. Лишь ковёр на полу был новым, мягким и толстым — и стоил, наверное, бешеных денег. Но иначе было нельзя: второй господин Лю имел обыкновение засыпать где попало.

Полог у кровати колыхнулся от ветра. Лян Шу взглянул. Спящий бессмертный спал совсем не как бессмертный. Но тому была причина: в детстве, читая книги, он узнал, что многие мудрецы вели себя вольно и небрежно, и потому маленький господин Лю нарочно стал спать вкривь и вкось, стараясь изо всех сил казаться «вольным». Так и продолжал до сих пор — ни разу в

жизни как следует не укрывался.

И сейчас было то же. Та самая нога, что во сне была погружена в воду, в реальности оказалась ещё белее и изящнее. На щиколотке обвивалась красная шнуровка с золотой пряжкой — госпожа Лю добыла её в храме, чтобы «привязать» душу сына, слишком много говорящего вздора: а вдруг сойдёт с ума? Глава поместья Лю поначалу только фыркал, но ему тут же указали: «Ты можешь вырывать людей из лап Яньло-вана, а я не могу отобрать душу сына у мелких бесов?»

<http://bllate.org/book/16268/1464282>